

Н. А. Лискевич

ЭМОЦИИ В ИСТОРИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ ЯЛУТОВСКИХ КОМИ

А Н Н О Т А Ц И Я. На основе полевых и архивных материалов рассматривается эмоциональное восприятие практики взаимодействия коми Нижнего Притоболья (юг Тюменской области) с иноэтничным окружением, прежде всего сибирскими татарами. На начальном этапе взаимоотношения с местным населением сопровождались предубеждением, враждебностью, агрессией и конфликтами, вызывали чувства тревоги, опасности и страха (особенно у женщин и детей). Эти негативные эмоции уравнивались подъемом и радостью от обилия и плодородия земли, гордостью от успехов в официальном закреплении на месте нового поселения, надеждой на лучшее будущее. Расширению взаимодействия переселенцев с соседствующими татарами сопутствовали такие эмоции, как благодарность за помощь в бытовых вопросах, сочувствие проблемам, интерес к хозяйственным навыкам и умениям. В последующем социальная дистанция проявлялась в основном в брачных отношениях. Предубеждение против смешанных браков было связано с религиозными и культурными различиями и выражалось в безразличии или отвращении, страхе «кражи», потенциальном стыде от неодобрения подобной связи сообществом. С последней трети XX в. наблюдается нивелирование культурных отличий и размывание поселенческих границ между коми и татарами. В настоящее время эмоциональный фон в минимальной форме определяет направления и характер взаимодействия между ними, но в то же время способствует сохранению групповой идентичности локальной группы ялуторовских коми.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коми, зыряне, сибирские татары, Ялуторовский уезд Тобольской губернии, культурное взаимодействие, историческая память

УДК 159.942:398(=511.132)

DOI 10.31250/2618-8619-2018-2-59-65

ЛИСКЕВИЧ НИНА АЛЕКСАНДРОВНА — к.и.н., в.н.с., Институт проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН (Россия, Тюмень)

E-mail: povod_n@mail.ru

Переселение в Сибирь с территории Европейского Севера в XIX в. было вызвано нехваткой земельных ресурсов, надеждой на лучшую долю и верой в собственные возможности успешно обустроиться на новых местах. Однако в некоторых случаях переселенцы сталкивались с сопротивлением местного населения, со спорами из-за земельных угодий и развитием конфликтных отношений, что определяло появление предубеждений и разделения на «своих» и «чужих». Цель нашего исследования — характеристика эмоционального восприятия практики взаимодействия коми Нижнего Притоболья с иноэтничным окружением, прежде всего сибирскими татарами. Коми (зыряне) переселялись на протяжении 1840-х гг. — начала XX в. на территорию Ялуторовского уезда Тобольской губернии в основном из Усть-Сысольского и Яренского уездов Вологодской губернии (с Усть-Сысолы, Выми, Вычегды) (Лискевич, Машарипова 2012: 113–119). В большинстве случаев они были «водворены» в волостях, где проживали русские старожилы, но часть поселений коми на правом берегу Тобола разместилась на угодьях, принадлежавших татарам юрт Новоатъяловских и Чечкинских Асланинской волости. Зыряне оказались в окружении татарского населения, издавна населявшего данную территорию и значительно превышавшего по численности переселенцев. Эти две группы долгое время ощущали этнокультурные и коммуникационные барьеры, сознавая различия прежде всего в религиозных и хозяйственных традициях. Их взаимодействие в XIX в. было осложнено земельными спорами и судебными тяжбами, которые длились несколько десятилетий — с 1840-х по 1870-е гг. (Повод 2008: 141–146).

В памяти современного коми населения сохранились исторические предания о процессе освоения и адаптации на новом месте, фольклорные сюжеты подтверждаются архивными документами. Во время полевой работы среди коми при помощи нарративных интервью были выявлены основные эпизоды их истории, позволяющие проследить изменение эмоциональной составляющей при характеристике процесса освоения и в отношениях с местным населением. Исследования проводились с 2004 г. в Ярковетском, Ялуторовском и Юргинском районах Тюменской области. До 2006 г. беседы записывались только в блокноты, а после — на диктофон. Это создало определенные трудности в определении эмоциональной составляющей рассказа. Если в текстовой записи не было прямых указаний на проявление эмоции — мы боялись, злились, радовались и пр., то нужно было интерпретировать контекст и проводить сравнение с подобными сюжетами, записанными во время бесед с другими людьми. Основные темы рассказов — трудности обустройства на новом месте, хозяйственные контакты коми и сибирских татар, споры из-за угодий, ксенофобия и демонизация «других», бытовое восприятие и оценка культурных отличий между группами, подвиги своих лидеров, труд предков, возможности брачных отношений.

Из Коми переехали, так как жилось трудно. Пашни надо было корчевать, ячмень только рос. А здесь слышали, что хорошо живут. Мать ругалась — говорит: «Ты меня привез, говорил, что здесь калачики вешаются». Из с. Кебра приехали. Родители мужа приехали раньше немного. У них уже и пашни были, все было (ПМА 2004).

Родители матери приехали сюда от бедности — там места не хватало, хлеба не было, им письма писали — здесь хлеба много, места хватает, хлеб хороший родится (ПМА 2004).

На начальном этапе взаимоотношения с местным населением сопровождалась предубеждением, враждебностью, агрессией и конфликтами, вызывали чувства тревоги, опасности и страха (особенно у женщин и детей). Часто случались драки, память о наиболее крупных из них закрепилась в местной микротопонимии.

Село было основано предками из Коми. Первые переселенцы основались на берегу р. Юрга. Сделали себе землянки, на берегу этой же речки была построена часовня, она не сохранилась. До приезда зырян на этой территории всеми земельными угодьями пользовались татары из д. Чечкино. После определения земли переселенцам из Коми между татарами и зырянами случались раздоры. Один охотник из зырян убил одного из жителей Чечкино (ПМА 2004).

Во времена, когда строилась Пермь, татары дрались с зырянами за Староалександровку. Чечкинцы не давали косить зырянам на лугу Сангутар, когда зыряне выкосили все свои луга (ПМА 2005). Драки были часто, была очень большая драка, как война, озеро, где дрались, теперь называется Воинское, оно на границе с Ивановкой (ПМА 2004). Мимо татарских деревень старались не ходить — опасно было (ПМА 2006b).

Недовольство коми со стороны татар было вызвано еще и распространением инфекционных болезней, появление которых связывалось с переселенцами: «Ведь до революции приезжали сюда коми-зыряне, дизентерию привезли» (ПМА 2006b).

Кроме драк, конфликтов и судов применялись договоры, подкуп, которые практиковались, чтобы пользоваться спорными угодьями. В памяти современных коми сохраняются рассказы о хитростях, на которые шли их предки, чтобы прийти к мирному соглашению:

Раньше покосы приходилось брать у татар. В Чечкино был богач-татарин, он сено за озером ставить не давал. Зыряне арендовали у него покос за сметану. Брали берестяной туес на 2 л сметаны и ходили к нему за разрешением. Пока он сметану ел, можно было косить (ПМА 2005). Раньше, при строительстве первых домов, нужно было постоянно договариваться с татарами, с которыми часто возникали конфликты. Татары жили в нищете, имели маленькие дома с маленькими окошками. Для того чтобы они разрешили рубить лес, татарину приносили банку сметаны. Он садился, ел. Пока он ел сметану, рубили лес, потом прекращали (ПМА 2006a).

Негативные эмоции, обусловленные конфликтными отношениями переселенцев с соседями, в рассказах коми уравниваются гордостью от успехов в официальном закреплении предков на месте нового поселения, их надеждой на лучшее будущее, подъемом и радостью от обилия и плодородия земли: «Тут же тайга была, наши предки все корчевали, это все их труд»; «В огороде пень стоял еще до 60-х гг., метра полтора в диаметре, такой лес был, вот каких трудов стоило им здесь обустроиться. Наши деды все сделали, чтобы здесь остаться — они ходок к царю посылали, чтобы разрешение получить» (ПМА 2004; 2006b). По материалам Тобольского архива известно, что коми переселенцы писали Тобольскому губернатору, в МВД, статс-секретарю императора, самому императору (ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 152. Оп. 31. Д. 79). В обращениях доминируют подчеркнута приниженные прошения — «покорнейше, низжайше просим...», что, вероятно, соответствовало протоколу подобных обращений, и уничижительные характеристики своего состояния — «мы в беднейшем состоянии, в бедственной сверх обыкновения источительной нищете...» Переселенцы получили разрешение на поселение, назвав деревню в честь сына царя — Александровское. В конечном итоге в конце 1870-х гг. по решению суда земли были закреплены за коми (зырянами), так как за несколько десятилетий они качественно изменили ценность угодий, превратив их в пахотные и сенокосные. Современные коми с уважением рассказывают о своих прадедах, легендарных основателях деревень, ходоках и ходателях, решавших спорные вопросы в столице, бережно хранят редкие фотографии первого и второго поколения переселенцев (рис. 1).

Рис. 1. Коми с. Ивановка Ялutorовского уезда. 1929 г.
Из фондов школьного музея Ивановской средней школы

В последующем расширению взаимодействия переселенцев с соседствующими татарами сопутствовали такие эмоции, как благодарность за помощь в бытовых вопросах, сочувствие к проблемам, интерес к хозяйственным навыкам и умениям. В рассказах отмечалось, что татарские женщины умели ставить пивок, у них были хорошие лекари, татарских мастеров часто нанимали делать кирпичи, глинобитные печи, при постройке дома: «Печь делали почти бесплатно — пили вместе, угощали» (ПМА 2006а). Развивались и торгово-обменные связи. Татары приходили в зырянские деревни с рыбой, дичью, дикоросами, различными ремесленными изделиями — «принесли кирпичики и корыта долбленные», обменивая это на сельскохозяйственные продукты. У татар были заимствованы предметы домашней утвари, детали интерьера, постройки усадебного комплекса:

Татарам картошку давали, по домам собирали. Для сна стелили рогожи из камыша (у татар покупали), катаную шерсть (войлок). Летние кухни теперь стали делать малушки, отдельно от дома. Это домик в ограде для еды и летом, и зимой, там готовили. Обычно такие малушки были у татар (ПМА 2004).

Конфликтов с татарами на почве веры не возникало, более того, татары помогали паломникам на культовом месте неподалеку от селения Тарханы. Там татарские рыбаки якобы нашли самовосстанавливающуюся икону Спасителя, рассказали об этом православным священникам, и после этого ежегодно в августе на «третий Спас» там устраивали моления и крестный ход, сделали часовню (Клюева, Повод 2005: 313–314). Паломники останавливались на постой у жителей деревни

Тарханы. «Татары эту церковь никогда не ломали. На ярмарках останавливались у местных жителей на постой. Битком было набито в каждом доме» (ПМА 2005). «В Тарханы многие ходили. Заветы делали — за помощью сходить к Спасителю, туда и Покровские ходили с иконами. Там и ночевали, у всех уже знакомые были, где останавливались — они у нас, а наши у них» (ПМА 2005).

Гостеприимность татар отмечали и русские. В Юргинском районе мы записали несколько рассказов о том, как воспринимали ялуторовских коми жители окрестных русских деревень: «Ездили раньше на ярмарку в Ялуторовск, с ночевой надо было, дак останавливались всегда у татар. А зыряне какие-то неприветливые были, не хотели к себе пускать. К ним больше и не заезжали» (ПМА 2007b).

В 1940-е гг. социальная дистанция проявлялась в основном в брачных отношениях. Предубеждение против смешанных браков было связано с религиозными и культурными различиями и выражалось в безразличии или отвращении, страхе «кражи», потенциальном стыде от неодобрения подобной связи сообществом: «После войны мужиков не было, но за татар ни за что не хотели идти замуж — лучше старой девой остаться»; «Если бы было можно, за татарина бы замуж пошла». Предпочтительными брачными партнерами были «свои, деревенские». Выйти замуж за мусульманина было «удивительно, у татар свои поверья, обычаи совсем разные, раньше русские и татары друг друга брезговали». В селах бытует в разных вариациях история о девушке, которую полюбил татарский парень, «проходу ей не давал — замуж звал, она отказывалась. И он ее украл, домой привез. Она три дня за печкой проревела — стыдно было. А куда деваться, так и осталась, там и живет, теперь старая уже. И веру приняла, и по-татарски теперь говорит хорошо» (ПМА 2007a).

У нас рассказывали такую легенду, вроде как в 37 г., возможно, что и не ивановская она была. Жила зырянка здесь, очень красивая, и у нее... заметил татарин, она ему понравилась, и он ее выкрал в Чечкино или в Новотьялово. Она забеременела, но все рвалась как-то выбраться оттуда. И она сбежала, и вот этот Н. С. в общем, видимо, полюбил ее беременной и женился на ней. И когда родился сын, вот этот Н. А., и он теперь из их рода, говорит: а я все посмотрю на себя в зеркало — откуда такая татарская морда... (ПМА 2013).

«Инаковость» татарских соседей остро чувствовали дети. По воспоминаниям старожилков, татары обычно заходили в зырянские села с большими мешками или заплечными туесами и вызывали у местных детей страх, что их могут спрятать в мешок и украсть. Этот страх усугублялся еще и «угрозами» родителей для усмирения детей: «Сейчас татарин придет. Татарами пугали: ой, татарин идет — утащит» (ПМА 2006a; 2006b; 2007a). В противовес чувству страха в детском фольклоре существовали дразнилки, игры, где фигурировали татары. К примеру, в селе Ивановка была известна игра в ярку-татарку:

Была игра «Ярка». Для этого делали ямки и кагили мяч, кто в свою лунку закатывает, тот бросает мяч в других игроков, и в кого больше всех попадет, тому мяч под зад и кричат:

Ярка-татарка,

баран — не баран.

Старая овечка,

мяч под жопой,

всем бежать (ПМА 2006b).

Нужно отметить, что и сами коми становились объектом для шуток и прозвищ. Нам рассказали несколько примеров таких поддразниваний со стороны русских: «В 1940-е гг. в Покровке зырянки за людей не считали. Звали котландки-ветландки.¹ Парни так говорили. На работу ходили далеко пешком — с мешками через плечо. Дразнили: Зырян че? — Мешок через плечо» (ПМА 2004). Большинство жителей селений сохраняет представление о существующих различиях между зырянами-старожилами и коми, переселившимися из Коми края в начале XX в. Это выражается в существовании этнонимов «зырянин» и «коми» при выражении этнического самоопределения. «Они-то недавно переехали (в начале XX в.) из Коми, а мы — давно, мы тут коренные зыряне».

С последней трети XX в. наблюдается нивелирование культурных отличий, размывание поселенческих границ между коми и татарами, стали заключаться межэтнические браки (Зенько 2000: 152–153; Повод, Волжанина 2004: 231–233). В настоящее время эмоциональный фон в минимальной форме определяет направления и характер взаимодействия между ними, но в то же время способствует сохранению групповой идентичности локальной группы ялуторовских коми. На протяжении более полутора веков эмоциональная компонента в сфере взаимодействия коми и татар Нижнего Притоболья претерпела значительные изменения. На начальном этапе освоения коми в Сибири преобладали эмоции, связанные с мотивацией выживания и обустройством социальной жизни. Эти эмоции определяли формирование стереотипов группового восприятия и выступали в качестве регулятора межэтнического взаимодействия, обеспечивая сохранность этнокультурных границ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- ПМА 2004; 2005; 2006а. Ярковский район, Тюменская область.
 ПМА 2006б. Ялуторовский район, Тюменская область.
 ПМА 2007б. Юргинский район, Тюменская область.
 ПМА 2007а; 2013. Ялуторовский район, Тюменская область.
Безносилова Л. М., Забоева Н. К., Коснырева Р. И., Айбабина Е. А. Русско-коми словарь, Комироч кывчукор. Сыктывкар, 2009.
Зенько А. П. Опыт изучения традиционной культуры коми-зырян юга Тюменской области (по материалам этнографической экспедиции 1991 г.) // Итоги полевых исследований. М., 2000. С. 150–176.
Клюева В. П., Повод Н. А. Этнографические полевые исследования в Ярковском и Ялуторовском районах Тюменской области // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 6. С. 313–315.
Лискевич Н. А., Машарипова А. Х. Формирование и расселение групп коми на территории Ялуторовского уезда Тобольской губернии в XIX — начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2 (17). С. 113–119.
Повод Н. А. Особенности освоения территории Нижнего Притоболья коми переселенцами в XIX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2008. № 9. С. 141–148.
Повод Н. А., Волжанина Е. А. Традиционная культура коми-зырян Ярковского района Тюменской области // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2004. № 5. С. 231–233.

¹ Вероятно, от коми «ветлыны» — «ходить, ездить» (Безносилова и др. 2009: 427).

EMOTIONS IN THE HISTORICAL NARRATIVES OF THE IALUTOROVSK KOMI

ABSTRACT. The article deals with the emotional perceptions of the Komi of the lower Tobol basin resulting from their interaction with other surrounding ethnic groups, especially the Siberian Tatars. Komi (or Zyrians) had been migrating to Yalutorovsk district of Tobolsk Province from the 1840s and until the beginning of the twentieth century, mainly from Vologda Province. The modern Komi have kept in their memory the stories of their arrival and adaptation in the new land; these folk stories are confirmed by archival sources. The main topics of the stories are everyday contacts between Komi and Siberian Tatars, land disputes, xenophobia and demonization of the «other», perceptions and assessments of the cultural differences between the groups, the exploits of their leaders, the labor of their ancestors and the possibility of marital relations. At the initial stages of contact, the Komi relations with the local population were accompanied by prejudice, hostility, aggression and conflicts which evoked feelings of anxiety, insecurity and fear (especially in women and children). These negative emotions were counterbalanced by elation and joy for the abundance and fertility of land, pride in getting the land entitlement and hope for a better future. Such emotions as gratitude for help in their household matters, sympathy to their problems and interest in their economic skills contributed to the expansion of cooperation between the Komi and neighboring Tatars. Subsequently, the social distance was manifested primarily in the absence of interethnic marriages. Komi prejudice against these marriages was due to the religious and cultural differences between them and the Tatars, and was expressed in indifference or disgust to the people and potential shame of disapproval of such relations by the local community. However, starting from the last third of the twentieth century one can observe the levelling of cultural differences and blurring of boundaries between the settlements of Komi and Tatars.

KEYWORDS: Komi, Zyrians, Siberian Tatars, Yalutorovsk district of Tobolsk Province, cultural interaction, historical memory

NINA A. LISKEVICH — Candidate of Historical Sciences, Institute of the Problems of Northern Development, Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Tyumen)

E-mail: povod_n@mail.ru